

ПОРТРЕТ

НЕ ДЛЯ ТРАУРНОЙ

РАМКИ

Молодая, красивая, она ушла из жизни, оставив троих детей, двум из которых было тогда по четыре месяца. Актриса Мария Зубарева, проработавшая десять лет на сцене Московского драматического театра имени Пушкина, куда она поступила после окончания Театрального училища имени Щукина, и успевшая сняться в нескольких фильмах: «Мордашка», «Сукины дети», «Гениальная идея», «В распутицу», телесериале «Мелочи жизни». Ушла из жизни в расцвете лет и творческих сил, на гребне волны, которая, казалось, была в силах поднять ее на вершину, называемую Удача, — волны, которая на наших глазах несла ее туда и вдруг уронила, низвергла в пучину, из которой нет возврата.

Быть биографом Маши я не берусь. Мне хочется лишь попытаться воссоздать ее портрет и показать его тем, кому захочется Машу вспомнить, и тем, кто хотел бы познакомиться с ней. И поскольку этот портрет будет написан моей рукой, в нем, естественно, будет ощутимо присутствие автора, не претендующего на безапелляционность суждений. Такой я ее знал, хотел бы такой ее помнить.

Маша была красива и женственна. Беспредельно женственна во всех проявлениях. Наверное, отсюда ее требовательность к мужественности окружающих ее мужчин. Она не прощала мужчинам немужские, неджентльменские поступки. И я, пожалуй, не рискну обозначить ее возраст. Она была молода, и именно это ужасает, что ее больше нет. Но, зная Машу, уверен, она неприминула бы сосристь по этому поводу что-нибудь о том, что зато никто никогда не будет знать ее старой. И в этом тоже было бы проявление ее женственности и еще жизнелюбия и неиссякаемого чувства юмора. Когда она болела, она сильно похудела и очень комплексовала, что выглядел плохо. Из-за этого мужчинам было запрещено навещать ее во время болезни. Она не захотела, чтобы после смерти ее истерзанное болезнью тело привозили в театр, как мне кажется, по этой же самой причине.

Принято считать, что женственность это прежде всего слабость и мягкость — да, это было, но во взгляде, как в омуте, присутствовала какая-то сила, которая позволяет судить о влиянии на судьбу женщины рока. Теперь же остается признать, что рок сыграл в жизни и гибели Маши далеко не последнюю роль.

Любовь — была ее, Маши, стихия. Не составляло труда влюбиться в нее, полюбить. Не раз в своей жизни любила и она. Случилась и роковая любовь. Любовь — страсть, подобная той, что так восхищает в романах, героям которых мы так завидуем в том, что им привелось испытать. И в ее жизни случилось нечто: появился Он — красивый и богатый (отец ее двойняшек) — роковой мужчина не из нашей жизни, которая вся быт, суэта. И она полетела в сети его чар, как бабочка на яркое пламя и... сгорела. Да, это все было именно так. Когда погибает Кармен (кстати, она могла бы

сыграть ее — Кармен Мериме, Бизе или Питера Брука), нам жаль, что так случилось. Но какое-то чувство восторга возникает в нас, обделенных романтикой чувств. Да, вся эта история Машиной любви и гибели достойна пера романиста, кого-нибудь вроде Гюго, Дюма, Мопассана. Да, это, говоря словами Чехова, сюжет для небольшого рассказа.

Нет, Машин образ не вписывается в атмосферу нашей сегодняшней жизни: политика и экономика — круг наших сегодняшних интересов не ее был удел. Казалось, все это ее не касается. Она сама обставляла свою жизнь и создавала в ней свою атмосферу. Атмосферу романтики, красоты, наслаждения жизнью.

Режиссер телесериала «Мелочи жизни» утверждает, что Маша там сыграла себя. Да, она была там убедительна, и в ее жизни было достаточно бытовых и семейных проблем, но она ими не жила, отметала. И если была раздражена, то не самим фактом наличия этих проблем, а скорее необходимостью их разрешать. И если уж говорить о ролях, в которых она играла себя и «купалась», то, наверное, больше всего годилась для ее индивидуальности роль Титании в «Сне в летнюю ночь» Шекспира. Титания — царица эльфов, царица любви. Да, Маша умела и любила любить. Причем умела любить и на сцене, что так редко удается артистам. Когда в спектакле «Блэз»,

в котором она играла, она смотрела на меня, как на партнера, которого нужно любить, — я терялся в догадках: это она по жизни или по сцене так в меня влюблена? Но, оказывается, и другие ощущали то же самое, когда играли с ней на сцене любовь.

Правда, любовь, женственность — еще и суть других проявлений. Для многих лишь та женщина, которая — мать. У Кармен, с которой я сравнивал Машу, не могло быть детей. У Маши их трое. И пусть противоречив портрет ее, но Маша — олицетворение материнства и, пожалуй, сам Рафаэль и Леонардо да Винчи не отказались бы написать с нее еще одну Мадонну — поверьте!

Ее старшая дочь, образованием и воспитанием которой возгордился бы всякий родитель, — тому доказательство. Общаясь с Аней Зубаревой, сразу понимаешь, сколько материнской любви, тепла и заботы ей было отдано. Сколько внимания было уделено ей, чтобы вырос такой чуткий, деликатный, добрый и умный человек. А разве не символично, в подтверждение к сказанному, что, уйдя из жизни, Маша оставила в продолжение себя двух малышей — девочку и мальчика, появлению которых она так радовалась и заботой о которых не смогла насладиться.

Нет, Медюю она бы не сыграла. Медюю, которая предпочла любовь к мужчине любви к детям. Наверное, поэтому, мне кажется, роль Эбби,

убивающей своего ребенка в «Любви под вязами», Маше не очень удалась. Вообще трагедийное, мрачное, темное — не ее направление в творчестве. Как и в жизни. Казалось, что она не смолкая смеялась, жила беззаботно и весело. Ее улыбка! Ей в портрете особое внимание. Неулыбающимся ее лицо не запомнилось.

В ее улыбке жизнелюбие, доброта, жизнелюбие. В ее улыбке — источник ее сердечного, душевного тепла; источник, у которого многим хотелось погреться. Но надо сказать, что подпускала Маша не всех. Была разборчива в людях и искренна в своих симпатиях и антипатиях к ним. Не умела лицемерить и даже не пыталась. Не навидела ли она кого-нибудь, я не знаю, но любила многих — это точно. Любила жизнь во всех ее проявлениях. Любила веселые компании, в которых не принято было рассуждать о серьезном, но принято было смеяться, шутить. Надо было заранее быть готовым, запастись смешными историями, когда идешь к Маше в гости. Даже перед смертью, в больнице, она не хотела слушать нотаций и наставлений по поводу того, как спастись от этой неизлечимой болезни. Она хотела и требовала, чтобы ее веселили и смешили, шутила сама до тех пор, пока могло воспринимать юмор ее угасающее сознание. Но я вовсе не считал Машу человеком несерьезным. Нет, она умела дружить, помогать и заботиться. На нее можно было положиться, с ней можно было советоваться. Она была умная женщина. Образованная и эрудированная.

И еще немаловажный штрих: она верила в Бога. Верила, насколько могла и умела. У нее был свой Духовный отец — священник, советам которого она не раз следовала, принимая важные в своей жизни решения. Маша соборовалась и причащалась во время болезни, ее отпевали в храме, и проводы ее в мир иной были проведены батюшкой по всем правилам церкви.

Бессмысленно теперь задавать вопросы: почему? и за что? На них нет ответа.

Но не вписывается ее светлый, яркий образ во мрак отнявшей ее у нас страшной болезни, никак не вписывается ее колоритный портрет в траурную черную рамку.

Дмитрий Скрипченко, артист Московского драматического театра имени Пушкина.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Дети Марии Зубаревой не обделены вниманием. Их воспитывают теперь родители Маши и ее сестра. Желаящие и имеющие возможность оказать им помощь всегда могут найти для этой цели посредника в театре им. Пушкина.